

ЦИКЛИЗМ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Шнайдер Владимир Геннадьевич

доктор исторических наук
Армавирский государственный педагогический университет
Армавир

Аннотация: Характеристика наиболее крупных и значимых научных работ, повлиявших на формирование циклической модели понимания исторического процесса, даётся в первой части статьи. Вторая часть статьи посвящена анализу некоторых современных методологических концепций изучения циклов в истории России.

Ключевые слова: цикл, общественное развитие, государство, общество, политическая система, методологическая модель.

Идея циклического характера различных общественных процессов имеет уже сравнительно давнюю историю и длинный список приверженцев. Применительно к новому времени, можно связать её зарождение с идеями немецкой классической философии. Идеи цикличности заложены уже в философии Гегеля. Цикл, как антитеза прогрессивному, однонаправленному и линейному развитию общества в философии истории стал основой концепций Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя и др. Если говорить о тех, кто заложил научные основы оте-

чественной школы циклизма в прошлом веке, то следует отметить вклад В.И. Вернадского, Н.И. Чижевского, А.А. Богданова, Н.Д. Кондратьева, П.А. Сорокина.

Циклизм цивилизационного подхода был ограниченным, и в ранних трактовках, например, в концепции О. Шпенглера, по существу, исключал понятие исторического времени, что было отчасти преодолено А. Тойнби и Ф. Броделем.

Пожалуй, наиболее яркое открытие и осмысление полициклического или волнового характера одной из составляющих общественного процесса в отечественной науке первой половины XX века было сделано в области экономических знаний. Н.Д. Кондратьев обратил внимание на то, что наряду с экономическими циклами в 7-11 лет существуют более длительные, продолжительностью в 48-50 лет. Н.Д. Кондратьев не только исследовал экономическое развитие России кон. XVIII – нач. XX вв. с позиций, условно говоря, «полициклизма», но и дал хронологические рамки циклов, а также их характеристики, с точки зрения нелинейности развития общественных процессов.

Кризисное состояние в отечественной исторической науке, вызванное крушением советского общества и характерных для него философских концепций, способствовало интенсификации поисков новых эпистемологических моделей. В сферу интересов учёных попадают и различные физикалистские модели исторической науки. Наиболее удачной, и в научном смысле состоятельной, попыткой синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания нужно признать появление синергетики (Брюссельская школа И. Пригожина) [1; 2]. Проблемы синергетики истории стали активно обсуждаться в отечественной периодике [3-6 и др.].

Синергетика истории тесно связана с системологией. И. Валлерстайн предложил понятие «историческая система», применяя его в контексте изучения глобальных процессов прошлого и настоящего [7; 8]. И. Валлерстайн ставит вопросы о константах (точнее, об их существова-

нии в принципе) развития общественных процессов, а также о прогрессивности характера этого развития. Мы коснёмся данных проблем в дальнейшем, а пока необходимо подчеркнуть тезис о нелинейности общественной эволюции в концепции исторических систем И. Валлерстайна, как чрезвычайно важный для нас.

В 1990-е гг. в Ставрополе возникает, и вскоре приобретает широкую известность концепция циклов как универсальной методологической модели познания закономерностей эволюции природы и общества. Автор концепции Ю.Н. Соколов в 1995 г. издаёт обобщающую работу «Цикл как основа мироздания» [9]. Происходит становление НИИ «Цикл».

Чрезвычайно важным в теоретическом плане для нас представляется тезис А.Л. Чижевского о характере цикличности различных процессов в природе и обществе: «Если бы мы попытались графически представить картину многообразия этой цикличности, мы получили бы ряд синусоид, накладывающихся одна на другую или пересекающихся одна с другой. Все эти синусоиды в свою очередь оказались бы изрыты мелкими зубцами, которые также представляли бы зигзагообразную линию и т.д.» [10, с. 9]. Такой образ и такой подход находят применение в нашей методологической модели.

Интерпретируя приведённый тезис А.Л. Чижевского, Ю.В. Яковец заостряет внимание на следующих идеях: «Во-первых, всеобщность цикличной динамики для всех процессов. Во-вторых, полицикличность динамики – циклы разной длительности накладываются друг на друга, образуя сложную вязь синусоид. В-третьих, резонансное взаимодействие циклов в разных сферах ...» [10, с. 9]. Н.Д. Кондратьев, как упоминалось выше, также близок к полициклической или «волновой» трактовке экономических процессов. В.И. Пантина, развивает концепцию кондратьевских циклов в преломлении циклов и ритмов истории, рассматривая природу цикла как многоуровневую [11].

В качестве важных этапов в процессе понимания истории России как череды сменяющих друг друга циклов общественного развития, следует назвать работы таких исследователей цикличности исторических процессов как А.С. Ахиезер, А.Б. Зубов, Н.С. Розов, К.Е. Рыбак, М.В. Сапронов, А.В. Семенов и некоторых других [12-17 и др.].

Большие возможности для осмысления истории отношений государства и общества предоставляет социокультурный подход. Его основы заложены в работах М. Вебера, Т. Парсонса, Р. Мертон. В центре внимания – человеческая деятельность, имеющая свойства саморазвивающейся системы. Специфика социального действия проявляется в роли ценностей, норм, символов культуры. В рамках социокультурного подхода общество понимается как единство культуры и социальности, образуемых деятельностью человека. Данный подход соединяет три измерения бытия: человека в его взаимодействии с обществом, тип культуры и тип социальности.

Особое внимание в этой статье мы уделим анализу некоторых работ последнего десятилетия [18-25]. Их отбор не был беспристрастным. Нас заинтересовали, прежде всего, те идеи, которые близки нашему собственному пониманию волнового развития исторических процессов в России.

Мы рассматриваем Россию как социально-политическую целостность, эволюционное развитие которой имеет циклический характер. Под «социально-политической целостностью», в свою очередь, подразумевается динамическая взаимосвязь государства и общества в России, которую можно определить как саморазвивающуюся систему. Иными словами, мы рассматриваем эволюцию социально-политической структуры России, наделённой признаками живой системы.

В статье «Фрактальность истории» ч. 1. И.В. Ефимчук обосновывает своё видение циклов общественного развития, отмечая теоретические истоки своей концепции, близость теоретических воззрений с Дж. Арри-

ги, Л. Бадалян, В. Криворотовым, В. Пантиним, Ф. Броделем, И. Валлерстайном, А. Пановым и нек. др. [26].

Предлагаемая в этой статье модель имеет явно выраженный европоцентрический характер, а основные примеры, приводимые для раскрытия авторской гипотезы, взяты, прежде всего, из истории европейского континента и европейской цивилизации. Подобный акцент естественен, поскольку именно Запад реализовал технологический прорыв, делающий развитие человечества на каждой его стадии необратимым. Для восточных цивилизаций, с моей точки зрения, гораздо характернее возвратно-поступательный ритм социально-экономической динамики, существование в рамках «замкнутого» цикла, во многом аналогичного природным [26, с. 147].

Автор придерживается идеи фрактальности циклов исторического развития, когда часть подобна целому. То есть, условно говоря, малый цикл подобен большому: «В данном случае целое – это весь исторический период существования производящего хозяйства, а части – его отдельные этапы различной продолжительности и содержательности. Структура жизненного цикла хозяйственной системы воспроизводится во всех остальных циклах меньшего масштаба, на которые при более детальном рассмотрении разбивается основной цикл. Все они, от минимального до максимального, самоподобны именно в том смысле, который вкладывает в это понятие Кристиан, все «проживают» свою жизнь, динамику которой описывают эти циклы» [26, с. 148-149].

Мы совершенно согласны с И.В. Ефимчук в том, что при переходе к каждому последующему циклу, независимо от его масштаба, «время сжимается» (продолжительность цикла становится короче), а «пространство расширяется» (масштабы территориальной экспансии в рамках нового цикла больше, чем предыдущего). Движение от одной фазы гиперцикла к другой, а также переходы между макроциклами осуществляются через масштабные кризисы [26, с. 151].

Таким образом, И.В. Ефимчук применяет методологическую матрицу гиперциклов через призму фрактальности, то есть фрактальной схожести исторических процессов Древнего мира и истории европейской христианской цивилизации. Идея полицикличности развития применяется на материалах всемирной истории. То есть, с очень большим уровнем обобщения исторического нарратива.

А.В. Букалов описывает циклическое развитие государства и общества в России (СССР) с помощью моделей соционики – теории психоинформационных структур личности и социума [18].

Проблему прогнозирования общественного развития, как одного из самых востребованных направлений в гуманитарных науках, рассматривает в своей статье В.Ф. Коломийцев [22].

А.П. Давыдов обращает внимание на то, что кроме него об инверсии российского исторического развития, как циклического движения по замкнутому кругу: «катастрофа – смута – развитие – застой – катастрофа», писали А. Янов, А. Ахиезер, И. Яковенко, А. Пелипенко, И. Кондаков, В. Федотова, И. Клямкин, И. Ионов, В. Булдаков [19, с. 25]. Данная работа примечательна тем, что в ней автор довольно подробно останавливается на причинах того, почему в истории России господствует инверсия, а не медиация. Структуру инверсии А.П. Давыдов ищет в менталитете россиян, выделяя, например, такие его признаки, как убеждение, что достигнутый на сегодня уровень дробления изначального синкретизма последний, дальнейшее дробление невозможно; убеждение, что мир сущего скандально не соответствует миру идеалу/нормативам должного, поэтому люди живут в системе двух противоположных норм: декларируемой и реальной, разрушая поле социального взаимодействия; идея о том, что мир в принципе лежит во зле и неисправим; сакральный статус власти; Выбор экстенсивных решений в проблемных ситуациях и нек. др. [19, с. 27-28].

А.Р. Мустафин рассматривает возможность соотнесения концепции Н.Д. Кондратьева с другими концепциями представителей русского циклизма (Н.Я. Данилевского, П.А. Сорокина, А.Л. Чижевского, А.А. Богданова), предлагает собственную точку зрения на позиционирование явления русского циклизма в качестве научной школы [24].

Идею соотнесения кондратьевских циклов с циклами общественного (или исторического, или политического, или т.п.) развития в России мы можем найти и в работах некоторых других авторов.

Например, эта связь в большей или меньшей степени прослеживается в работах двух исследователей, которым мы уделим наибольшее внимание в нашей статье. На наш взгляд, вклад этих учёных в разработку теории волнового (полициклического) развития социально-экономических и политических процессов в истории России огромен и очень ценен. В ряду прочих достоинств, работы этих учёных обращают на себя внимание ещё и тем, что они ставят вопрос о прогностическом потенциале изучения циклов политического развития. Я имею в виду труды В.И. Пантина [27-33] и В.В. Лапкина [36; 37 и другие работы, написанные в соавторстве с В.И. Пантиним]. Несмотря на то, что эти исследователи подготовили и опубликовали несколько совместных работ, их взгляды имеют некоторые различия, что прослеживается, например, в их более ранних статьях.

В статье «Циклы реформ-контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития» В.И. Пантин рассматривает указанные в заглавии циклы за последние два века истории России [38].

Критерием относительно либеральных реформ, по мнению автора, является освобождение отдельных слоев или большинства российского общества от крепостной зависимости или от государственного закрепощения, развитие в России частной инициативы и предпринимательства, индивидуализация общества и общее оживление политической жизни, а критерием антилиберальных контрреформ служит установление более

или менее жесткого авторитарного или тоталитарного режима, закрепощение отдельных слоев или большинства российского общества, подавление частной инициативы и политической жизни, резкое усиление бюрократического государства и его репрессивных органов [38, с. 24-25].

Среди причин циклических колебаний от реформ к контрреформам автор выделяет слабость гражданского общества, раскол в среде правящей элиты и всего российского социума, постоянную борьбу славянофилов-почвенников и западников, радикальных социалистов и не менее радикальных либералов. Как считает В.И. Пантин, эта борьба мешает выработке взвешенного и учитывающего интересы разных социальных групп политического курса. Он подчёркивает важность внешнеполитических факторов для России, находящейся между Востоком и Западом. Но наибольшее значение уделяет корреляции циклов реформ-контрреформ с циклами Кондратьева, с их длинными волнами [38, с. 26]. Общая идея заключается в том, что повышательная волна циклов Кондратьева совпадает с реформами в России, а понижательная – с контрреформами. Автор приводит хронологические границы циклов реформ-контрреформ, в том числе, что особенно интересно, и предполагаемую верхнюю границу текущего цикла – 2017-2019 гг. [38, с. 26].

Усиление западного влияния в период реформ В.И. Пантин связывает с давлением на Россию Западных стран, однако причину неудач реформ он видит в глубоко внутренних процессах, например, таких как коррупция и злоупотребления. Автор пишет: «Кроме того, в ходе либеральных реформ происходит резкая имущественная дифференциация и политическая поляризация, и в российском обществе намечается политический и идеологический раскол, затрагивающий как элитные, так и массовые группы. Все это приводит к глубокому кризису, который разрешается путем перехода к более или менее радикальным контрреформам. Но переход к контрреформам становится возможным именно тогда, когда повышательная волна цикла Кондратьева сменяется понижа-

тельной волной, поскольку мировая рыночная экономика входит в полосу тяжелых кризисов и депрессий и давление западных стран на Россию резко ослабевает» [38, с. 27]. Понятно, что в ходе понижательной волны снижаются экономические возможности Западных стран влиять на Россию, в которой именно поэтому торжествуют контрреформы, однако совершенно непонятным остаётся главный вопрос: почему реформы не приводят к искомому результату и причем тут Запад? Посмотрим ещё раз алгоритм реформаторских неудач по В.И. Пантину: «Однако через некоторое время выясняется, что даже самые либеральные реформы в России, несмотря на частичное улучшение отношений с западными странами и некоторое высвобождение предпринимательской инициативы, не создают нужный инвестиционный климат, а способствуют росту злоупотреблений и коррупции, что в итоге ведет к потере управляемости страной» [38, с. 27]. На наш взгляд, механизм кризисов реформ здесь не выявлен. По нашему мнению, это констатация фактов, которая не объясняет их причин.

В то же время, представляется весьма убедительной трактовка автором причин свёртывания контрреформ и переход к новым реформам: «Однако через некоторое время авторитарный режим, осуществляющий контрреформы, переоценивает свои возможности и начинает терять представление о реальном положении дел в стране и в мире. В результате постепенно накапливается груз неразрешенных проблем и противоречий, а имеющиеся в наличии ресурсы для их разрешения иссякают. В конце концов, авторитарное руководство совершает крупные ошибки или ввязывается в военные авантюры, которые заканчиваются плачевно. Так возникают условия для осуществления очередных либеральных реформ, с которых начинается новый цикл реформ–контрреформ в России» [38, с. 27]. Совершенно с этим согласен. Это почти в точности совпадает с нашим мнением по этому поводу [39, с. 37]. Следует согласить-

ся с В.И. Пантиним и в том, что российские циклы представляют собой не бег по замкнутому кругу, а витки модернизационного развития.

Определенные возможности преодоления ограничений модели «циклов реформ-контрреформ» (В.Ш.: *В.И. Пантина*) применительно к описанию и осмыслению российской политической истории видятся В.В. Лапкиным в рамках разработки отчасти альтернативной, отчасти дополняющей модели циклов российского автохтонного развития [23, с. 35]. Автор ведет отсчёт циклов с IX века.

У В.В. Лапкина есть близкая нам мысль о цивилизационной принадлежности России: «И Империя Карла Великого и Русь решали сходные задачи политического обустройства утраченных или вовсе не освоенных христианским Римом пространств континентальной Европы. Эти две протогосударственные системы возникают и развиваются как своего рода взаимодополняющие в рамках единого христианского цивилизационного проекта» [23, с. 35].

Фактором, играющим роль двигателя российских циклов и, по-видимому, объясняющего их природу, автор видит в противоречивом сочетании двух стратегических императивов: а) преодоления изоляции и стремление взаимодействовать с ведущими цивилизационными центрами мира; б) освоение внутренних «варварских» пространств, не приобщенных к цивилизации «северной Евразии» [23, с. 36]. Противоречие это понятно, но при этом не совсем непонятно, как оно объясняет эволюционный механизм циклов автохтонного развития, главным инвариантом которого является стратегия внутренней колонизации восточно-европейских, а позднее и евразийских пространств? И самый главный вопрос: почему автор относит обширные территории восточно-европейских и евразийских пространств к «внутренней колонизации» [23, с. 36] страны?

Автор большое значение уделяет фактору развития внешней торговли, при этом подчёркивая, что такое развитие возможно главным об-

разом через внешние источники влияния, автор использует термин «втягивание». В тех же случаях, когда такого втягивания нет, развивается «внутренняя колонизация», получающая своё развитие в различных формах: от строительства пирамид до освоения каких-то пространств» [23, с. 37]. Россия – это второй пример. «Порою до 90 % населения такого государства оказывается существующим во внеполитическом, более того, «внегосударственном» состоянии, исторгнутым из господствующих в государстве культурной и политико-институциональной сред и служащим лишь в качестве «ресурсного резервуара»» [23, с. 38]. С этой мыслью нельзя не согласиться.

Обращает внимание тот факт, что автор делает прогноз, называя довольно точно сроки завершения текущего эволюционного цикла: «Сможет ли наше общество сохранить себя и свою способность к политической самоорганизации, распрощавшись (что, согласно модели, произойдет к 2025 г.) с реликтами русской власти?» [23, с. 47].

На наш взгляд, В.В. Лапкин в этой статье слишком большое значение придает внешнеполитическим, точнее внешнеэкономическим и даже внешнеторговым факторам, как обстоятельствам в значительной мере повлиявшим на механизм циклов российского автохтонного развития.

Следует отдать должное теоретической глубине подходов В.И. Пантина и В.В. Лапкина, тщательности проработки материала и небезуспешным попыткам охватить довольно обширный массив исторического материала. Авторы близки в своих прогнозах ближайшего политического кризиса в России, относя его к первой половине – середине 2020 гг. В этом мы согласны с ними, поскольку наша теоретическая модель социально-политических циклов в истории России показывает примерно те же временные рамки. Однако говоря о теоретических основаниях, рассматриваемых во второй части этой статьи концепций, позволим себе заметить, что чем их больше, и чем сложнее их взаимосвязь и взаимозависимость, тем сложнее и уязвимее становится конечный итог,

то есть степень достоверности их практического приложения. Как говорил уже упоминавшийся в этой статье Ю.Н. Соколов, основания исследования должны быть очевидны, просты, приниматься без доказательства и их должно быть немного [9, с. 7]. В противном случае, концепция либо будет иметь слишком много оговорок, либо превратится в предмет веры. Не станем настаивать на аксиоматичности этого тезиса, однако, выстраивая собственную волновую концепцию истории социально-политических циклов России, мы руководствовались именно этой мыслью. И именно этой проблеме мы предполагаем посвятить следующую статью.

Список использованных источников

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М.: Едиториал УРСС, 2003. 240 с.
3. Аршинов В., Свирский Я. Философия самоорганизации. Новые горизонты // Общественные науки и современность. 1993. №3. С. 59-70.
4. Гамаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 99-106.
5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3-20.
6. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления// Общественные науки и современность. 1993. №2. С. 38-51.
7. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире (Статьи, выступления, фрагменты из книг). СПб.: Изд-во «Университетская книга», 2001. 416 с.
8. Валлерстайн И. Глобализация или переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мировой системы// Русский исторический журнал. Т. I, 1994. №4. С. 365-384.
9. Соколов Ю.Н. Цикл как основа мироздания. Ставрополь: ЮРКИТ, 1995. 122 с.
10. Яковец Ю.В. Циклы и кризисы XXI века: цивилизационный аспект. Доклад на юбилейной научной сессии Российской академии естественных наук. М.: МФК, 2000. 43 с.
11. Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М.: Московский философский фонд, 1997. 190 с.
12. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 2-х т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
13. Зубов А.Б. Циклы русской истории // Полития. 2006. № 1. С. 56-62.

14. Розов Н.С. Циклы российской истории // Гуманитарные науки Сибири: Серия: философия и право. 2006. № 1. С. 56-63.
15. Сапронов М.В. Циклы российской государственности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Вып. 1. Челябинск, 2002. С. 42-52.
16. Семенков А.В. Социально-политические циклы в истории России // Этнополитическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. М., Волгоград, 2001. С. 147-161.
17. Флиер А.Я. Культурогенез. М.: Картолитография, 1995. 128 с.
18. Букалов А.В. Цикличность фаз развития общества и новые законы исторического развития // Психология и соционика межличностных отношений. 2008. № 5. С. 5-13.
19. Давыдов А.П. Инверсия как культурное основание цикличности в развитии (к вопросу об объекте деконструкции в русской культуре) // Философские науки. 2010. № 1. С. 25-30.
20. Дроздов А.А. Циклизм в истории // Управление мегаполисом. 2014. № 3. С. 108-112.
21. Жолков С.Ю. О законах социума и истории // Вестник высшей школы. 2010. № 2. С. 70-78.
22. Коломийцев В.Ф. Законы истории или социологические закономерности // Вестник высшей школы. 2009. № 9. С. 17-27.
23. Лапкин В.В. Моделирование российской политической истории. Введение в теорию эволюционных циклов автохтонного развития России // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 33-51.
24. Мустафин А.Р. Русский циклизм и концепция Н.Д. Кондратьева // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманит. науки. 2015. Т. 157. № 3. С. 76-81.
25. Холодковский К.Г. Механизм российской цикличности // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 22-31.

26. Ефимчук И.В. Фрактальность истории. Ст. 1 // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 146-156.
27. Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. Рязань: Аракс, 1996. 157 с.
28. Рыбак К.Е. Исторический циклизм (анализ территориальной динамики). М.: С-Принт, 2001. 28 с.
29. Рыбак К.Е. Циклы реформ-контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 22-32.
30. Рыбак К.Е. Циклы политического развития и прогноз мировой динамики в период 2010-2025 гг.: политические риски и альтернативы // Циклы политического развития: прогностический потенциал (сборник статей) / отв. ред. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 28-46.
31. Рыбак К.Е. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М.: Московский философский фонд, 1997. 190 с.
32. Рыбак К.Е. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М.: Новый век, 2003. 276 с.
33. Рыбак К.Е. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века. Основные вызовы и возможные ответы. Дубна: Феникс, 2009. 432 с.
34. Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы в первой половине XXI века. Дубна: Феникс, 2006. 448 с.
35. Пантин В.И., Лапкин В.В. Историческое прогнозирование в XXI веке: циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс, 2014, 455 с.
36. Лапкин В.В. Проблемы моделирования политического развития // Циклы политического развития: прогностический потенциал (сборник статей) / отв. ред. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 10-28.

37. Лапкин В.В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. Научная монография. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 140 с.
38. Пантин В.И. Циклы реформ-контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 22-32.
39. Шнайдер В.Г. Социально-политические циклы в истории России: природа и механика. М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2010. 52 с.

Дата публикации: 12 сентября 2018

© Шнайдер Владимир Геннадьевич